

Переводы и публикации

Светлана Месяц

Аристотель. *О сне и бодрствовании* (перевод и комментарии)*

SVELTANA MESYATS

ARISTOTLE. *ON SLEEP AND WAKING* (A TRANSLATION AND NOTES)

ABSTRACT. Aristotle's treatise *On Sleep and Waking* (*De somno et vigilia*) belongs to the series of short psychological works of the philosopher traditionally grouped together under the title *Parva Naturalia*. Considering sleep as one of the most important vital functions in which both soul and body share, Aristotle seeks a definition of sleep that would indicate not only its essential form and goal, but also its material and efficient causes. In order to define sleep in terms of his theory of four causes, Aristotle considers what it is, what its purpose is, in which part of the body and soul it takes place, and what agent brings it about. In the course of the study it becomes clear that sleep consists in a temporary inactivity of senses caused by the incapacity of the primary sense-organ to carry out its natural activity. The inability of this organ is in its turn due to the periodic displacement of the natural heat from the upper part of the body into the small region of the heart under the pressure of heavy and moist vapors flowing down. And the final cause of sleep is to give rest to the senses so that the animal can stay awake. This publication of the first Russian translation of Aristotle's treatise *On Sleep and Waking* is provided with detailed commentary, which analyzes the course of Aristotle's argument, explains basic concepts of his doctrine of the soul and discusses the most challenging passages.

KEYWORDS: Aristotle's psychology, Aristotle's physiology, theory of four causes, sleep, waking, sensation, common sense, natural heat, pneuma, digestion, evaporation, cardiac activity.

© С.В. Месяц (Москва). messyats@mail.ru. Институт философии Российской академии наук.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 14.1 (2021) DOI: 10.25985/PI.14.1.11

* Тракта *О сне и бодрствовании* (*De Somno et Vigilia*) входит в число малых психологических сочинений Аристотеля, традиционно объединяемых в сборник под названием *Parva naturalia*. Перевод трактата на русский выполнен по изданию Ross 1955; учитывались также издания: Hett 1936, 315–345 и Gallop 1996.

1. Приступая к исследованию сна и бодрствования, необходимо ответить на вопрос: что они такое? Являются ли особенными или общими для души и тела? И если общими, то для какой части души или тела? И по какой причине они есть у животных? И все ли животные причастны тому и другому или одни причастны сну, а другие — только бодрствованию? Или, может быть, у одних животных нет ни сна, ни бодрствования, а у других есть и то, и другое? И еще: что такое сновидение? И почему спящие порой видят сны, а порой нет? Или, может быть, спящие видят сны всегда, но не помнят об этом? А если так, то почему? И можно ли предвидеть будущее или нет? И если можно, то каким образом? И только ли такое будущее, которое творит своими поступками человек, или и такое, которое имеет божественную причину, наступает естественным образом или случайно?¹

Прежде всего очевидно, что бодрствование и сон принадлежат одной и той же части животного. Эти состояния противоположны друг другу, и сон кажется отсутствием бодрствования, а в естественном существе, как и во всем остальном, противоположности всегда возникают в одном и том же принимающем и представляют собой состояния одного и того же подлежащего, как, например, здоровье и болезнь, красота и безобразие, сила и бессилие, зрение и слепота, слух и глухота². То же самое можно пока-

¹ Сформулированный здесь в виде вопросов план исследования будет реализован Аристотелем в трех трактатах сборника *Parva naturalia*. Первая группа вопросов (453b11–17) будет обсуждаться в трактате *О сне и бодрствовании*; вторая (453b17–20) — в *О сновидениях (De Insomniis)*, а третья (453b20–24) — в *О предсказаниях во сне (De Divinatione per somnum)*.

² Аристотель начинает свое исследование с очевидного и подкрепленного предшествующей философской традицией утверждения, что сон противоположен бодрствованию (Heraclit. fr. 26, 88 DK; Pl. *Phd.* 71cd). Но если сон и бодрствование — противоположности, а в философии Аристотеля «никакая сущность не может быть противоположна сущности» (*Ph.* I.6, 189a32), то отсюда следует, что сон и бодрствование — не сущности, но свойства или состояния (πάθη) некоей сущности, которая выступает по отношению к ним как подлежащее по отношению к своим сказуемым. При этом сон является не положительным свойством или состоянием сущности, но «лишенностью» или «отсутствием»

454а зать и другим способом. По какому признаку мы опознаем бодрствующего, по тому же — и спящего. Бодрствующим мы считаем ощущающего, полагая, что всякий бодрствующий ощущает или какое-то из внешних изменений или — из происходящих в нем самом. Но если бодрствовать значит ощущать, то ясно, что часть, 5 благодаря которой ощущают, будет той же самой, благодаря которой бодрствующие бодрствуют, а спящие спят³. И поскольку ощущение не принадлежит ни исключительно душе, ни исключительно телу (потому что возможность присуща тому же, чему и действительность, а так называемое ощущение в качестве действительности есть некое изменение души посредством тела), то 10 ясно, что ни для души состояние сна не будет исключительным, ни бездушное тело не будет наделено способностью ощущать⁴.

(στέρησις) бодрствования, определяемым исключительно через отрицание. Для Аристотеля сон и бодрствование — не такая же пара противоположностей, как белое и черное, холодное и теплое или влажное и сухое, но такая, как болезнь и здоровье, смерть и жизнь, слепота и зрение и т.д. Подробнее о лишенности и обладании (στέρησις — ἔξις) как одной из разновидностей «противолежашего» (ἀντικειμένα) см. *Metaph.* v.10, 1018a20–25.

³ Если бодрствующего можно опознать по наличию ощущения в действительности, то спящего — по его отсутствию. Таким образом сон противоположен бодрствованию как лишенность обладанию. Но противоположности должны сказываться об одном и том же подлежащем, следовательно, сон и бодрствование будут состояниями одной и той же части животного, что и требовалось доказать.

⁴ Согласно трактатам *О душе* и *Об ощущениях и ощущаемом*, ощущение представляет собой совместное действие души и тела, в ходе которого душа реализует свою способность ощущать за счет происходящего с телом под действием чувственно воспринимаемых предметов изменения (*De An.* II.5, 416b33–417b16; 12, 424a17–28; III.2, 425b26–426a19; *Sens.* 436a10–436b7). Поэтому если бодрствование равносильно ощущению в действительности, а сон — его отсутствию, то ясно, что ни то, ни другое состояние не будут свойственны исключительно душе или исключительно телу, но будут присущи обоим сообща, а значит ситуация, когда тело спит, а душа бодрствует, или наоборот, невозможна. Тем самым Аристотель опровергает довольно распространенное в Греции V–IV вв. до н.э. представление о том, что во сне душа, оставаясь бодрствующей и активной, может на время покидать тело, путешествовать вдали от него и без помех созерцать то, чего прежде не знала (Gallor 1996: 121). Подобный дуалистический взгляд на сон встречается у Пиндара (fr. 131b), Ксенофонта (*Сур.* 8.7.21), Платона (*R.* 571d),

В другом сочинении мы дали определение так называемым частям души, показав, что если питающая часть в обладающих жизнью телах существует отдельно от остальных частей, то ни одна из остальных не существует без питающей⁵. Отсюда ясно, что у живых существ, причастных только росту и увяданию, не будет ни сна, ни бодрствования, в частности у растений (поскольку растения не имеют ощущающей части души, независимо от того, отделима ли та от питающей или нет, потому что в возможности и по бытию она отделима). Равным образом ясно и то, что ни одно существо не является ни постоянно бодрствующим, ни постоянно спящим, но что оба эти состояния свойственны одним и тем же животным. В самом деле, если какое-то животное обладает ощущением⁶, то невозможно, чтобы оно не было ни спя-

в Гиппократовом корпусе (*De Diaeta* 86.2–13), да и у самого Аристотеля в ранних диалогах (S.E. M. 3.20–22). Подробнее о дуалистической концепции сна см. Dodds 1951: 138–157; Bremmer 1983: 40–47.

⁵ Под «другим сочинением» подразумевается трактат *О душе*, где Аристотель выделяет несколько «частей» (μέρη) или «способностей» (δυνάμεις) души: питающую, ощущающую и разумную (*De An.* II.2, 413a22–32, 413b11–414a2; II.3, 414a29–b1). Упомянутые три части, поясняет философ, правильнее было бы считать различными душами, из которых каждая последующая не может существовать без предыдущей, поскольку содержит ее в себе в качестве своей материи. Так, разумная душа не может существовать без ощущающей, а ощущающая — без питающей, которая поддерживает в живом существе жизнь, обеспечивая ему питание, рост и размножение. Поэтому всякое разумное существо обязательно ощущает, питается и растет, но не всё, что питается и растет, обязательно обладает ощущением и разумом. В этом смысле части души напоминают геометрические фигуры, у которых в последующей всегда содержится предыдущая, например в четырехугольнике — треугольник, в треугольнике — линия и т.д., но не наоборот (*De An.* II.3, 414b28–415a3).

⁶ εἴ τι ἔστι ζῶον ἔχον αἴσθησιν — не согласна со вставкой <μη>, которая была предложена Биром (Beare 1899: 466–467) и поддержана Россом (Ross 1955: 255–356), но отсутствует во всех имеющихся рукописях трактата: εἴ τι ἔστι ζῶον <μη> ἔχον αἴσθησιν («если какое-то животное <не> обладает ощущением»). Учитывая, что Аристотель неоднократно определяет животное через способность ощущать (*De An.* II.2, 413b1: «животное впервые появляется благодаря ощущению»; *Somn. Vig.* 454b24: «быть животным значит обладать ощущением»), кажется маловероятным, чтобы он мог высказать здесь предположение о существовании животного, не обладающего ощущением. Гипотеза Росса, что Аристотель имел

щим, ни бодрствующим (поскольку оба эти состояния относятся к ощущению первого ощущающего⁷), как невозможно одному и тому же существу и всегда пребывать в одном из этих состояний, так чтобы какой-то род животных постоянно спал, а другой постоянно бодрствовал. Далее, всё обладающее неким естественным предназначением по необходимости изнемогает, когда время, в течение которого оно способно что-то делать, оказы-

---

в виду находящегося во чреве матери эмбриона (Ross 1955: 256; Gallop 1996: 122), выглядит малоубедительной, поскольку, согласно трактату *О рождении животных*, эмбрион может считаться животным только с момента появления у него ощущения, а до того, на ранних этапах внутриутробного развития, напоминает растение и «живет растительной жизнью» (GA 778b32–779a4). Что же касается последовательности рассуждения, которая якобы нарушается, если оставить фразу без изменения, то и это утверждение не выдерживает критики. Намереваясь объяснить, почему сон и бодрствование присущи одним и тем же животным, Аристотель начинает с утверждения, что любое животное, поскольку оно животное, не может не находиться или в состоянии сна, или в состоянии бодрствования. В самом деле, быть животным значит обладать способностью ощущения, но ощущать в действительности значит бодрствовать. Следовательно, поскольку животное может либо реализовать присущую ему способность, либо нет, оно будет либо бодрствовать, либо спать. В следующем предложении Аристотель покажет, почему способность ощущения не может ни всегда быть реализованной, ни всегда оставаться нереализованной, иначе говоря, почему животное не может ни постоянно спать, ни постоянно бодрствовать. Пока же он просто исключает возможность того, что какие-то животные могут быть не причастны ни сну, ни бодрствованию, отвечая тем самым на шестой вопрос намеченного плана исследования (453b16) и подготавливая доказательство того, что всякому животному время от времени приходится спать (454b3). Похожим образом понимает это место и Михаил Эфесский: «Не существует животного, которое не было бы ни бодрствующим, ни спящим. Не бодрствовать и не спать свойственно существам без души, а любое животное, как будет доказано, должно и спать, и бодрствовать. Сказав, что не существует животного, которое было бы лишено бодрствования и сна, Аристотель указывает и причину этого, говоря, что оба эти состояния — сон и бодрствование — относятся к первому ощущающему. Первым же ощущающим он называет ощущающую душу, которая располагается вблизи сердца... Итак, если бодрствование и сон суть состояния первого ощущающего, то нет такого животного, которое не было бы ни спящим, ни бодрствующим» (*In PN* 44.11–22).

⁷ πρώτου αἰσθητικοῦ — имеется в виду главный и основной орган ощущения, которым, как будет показано ниже, является сердце (*Somn. Vig.* 2, 455a20–22).

вається превышнено, как, например, глаза, которые смотрят, а потом перестают смотреть, или как руки и любая другая часть тела, имеющая естественное предназначение⁸. Поэтому если ощущение является предназначением какой-то части тела, то и эта часть обессилит и перестанет выполнять свое дело, когда время, в течение которого она способна непрерывно ощущать, окажется превышнено. Так что если бодрствование определяется через высвобождение ощущения, и если из двух противоположностей одна должна иметь место при отсутствии другой⁹, то, учитывая, что бодрствование противоположно сну и что всякое животное непременно находится в одном из этих состояний, ясно, что всякому животному будет необходим сон. Итак, если сон есть указанное состояние, а именно изнеможение вследствие чрезмерного бодрствования, и если чрезмерное бодрствование, иногда вызываемое болезнью, а иногда возникающее без нее, одинаково приводит к изнеможению и слабости, то у всякого бодрствующего существа непременно должна быть возможность уснуть, поскольку действовать постоянно невозможно.

И точно так же ни одно животное не может постоянно спать. В самом деле, сон есть состояние ощущающей части, напоминающее скованность и неподвижность, откуда следует, что всякий

⁸ О том, что ни один человеческий орган не способен к непрерывной деятельности, Аристотель пишет также в *Никомаховой этике* (EN 1175a4–5; 1176b34).

⁹ τῶν δ' ἐναντίων τὸ μὲν ἀνάγκη παρεῖναι — вопреки Мунье и Россу (Mugnier 1953: 67; Ross 1955: 256) принимаю вслед за Беккером и Хеттом (Bekker 1831: 454b; Hett 1936: 322) чтение манускриптов LSU, поскольку вариант, зафиксированный в рукописях EM — τῶν δ' ἐναντίων τῶν μὲν ἀνάγκη θάτερον ἀεὶ παρεῖναι τῶν δ' οὐ («у одних противоположностей один из членов должен всегда иметь место при отсутствии другого, а у других нет»), — кажется мне излишне усложняющим ход рассуждения. Поскольку Аристотель уже истолковал сон и бодрствование как противоположность между обладанием и лишенностью (ἔξις — στέρσις), ему больше нет нужды проводить дистинкцию между видами противоположностей. Ему остается лишь указать на самоочевидный факт, что обладание исключает лишенность и наоборот, откуда сразу же следует, что при наличии бодрствования у животного будет отсутствовать сон, а при наличии сна не будет бодрствования. К такому же чтению склоняются и некоторые современные переводчики трактата (Dönt 1997: 103).

спящий непременно должен иметь ощущающую часть. Но ощущающее есть способное ощущать в действительности, а ощущать в действительности, когда спишь, в прямом и собственном смысле слова невозможно. Отсюда следует, что любой сон обязательно предполагает пробуждение. Вот почему практически все животные — и водоплавающие, и пернатые, и сухопутные — причастны сну. Как показывает наблюдение, спят все роды рыб и моллюсков и вообще любые существа, наделенные глазами, потому что даже твердоглазые животные, включая насекомых, явным образом засыпают¹⁰. Впрочем, поскольку подобные существа спят мало, о некоторых из них бывает трудно сказать, причастны они сну или нет. Относительно же черепокожих¹¹ наши чувства не позволяют судить, спят они или нет — в это заставляет поверить приведенное выше рассуждение, если только оно достаточно убедительно¹².

---

¹⁰ σκληρόφθαλμα — «твердоглазыми» Аристотель называет животных, чьи глаза лишены век: насекомых, ракообразных, ящериц, змей (РА 648a17–19; НА IV.2, 526b9). Поскольку глаза этих существ всегда открыты, судить о том, спят они или нет, можно только по их поведению. Например, пчелы ночью затихают и перестают жужжать, из чего Аристотель делает вывод, что они засыпают (НА IV.11, 537b8–12). Рыбы во время сна становятся неподвижными и не шевелят плавниками, а некоторые опускаются на дно и зарываются в песок. Подобным образом ведут себя осьминоги, каракатицы и многочисленные виды ракообразных (НА IV.10, 537a12–537b5).

¹¹ ὀστρακόδερμα — к роду «черепокожих» Аристотель относит морских ежей и асцидий, а также моллюсков с двустворчатой, одностворчатой и витой раковиной, таких как устрицы, улитки, мидии, морские гребешки и др. (НА I.6, 490b10; IV.1, 523b1–12). Поскольку эти существа обычно прячутся от посторонних глаз в своем убежище, то установить, спят они или нет, наблюдая за их поведением, невозможно.

¹² В отличие от Аристотеля, убежденного в том, что сон присущ всем животным без исключения, современная биологическая наука до сих пор не знает этого наверняка. По мнению одних ученых, сон характерен только для теплокровных животных, тогда как рыбы, земноводные и рептилии не спят, но впадают в некие сноподобные состояния. Согласно другой точке зрения, сон есть у всех позвоночных без исключения, включая холоднокровных и даже таких примитивных созданий, как членистоногие, моллюски, медузы, губки и черви. В конце XX – начале XXI вв. наличие сноподобных состояний было эксперимен-

Из сказанного ясно, что сну причастны все животные без исключения, потому что быть животным — значит обладать ощущением, а сон, по нашим словам, есть своего рода неподвижность и как бы скованность ощущения, тогда как бодрствование — его высвобождение и восстановление. Ясно также, что ни одно растение не может быть причастно ни тому, ни другому состоянию, поскольку без ощущения не бывает ни бодрствования, ни сна. Всем, у кого есть ощущение, свойственно испытывать боль и радость, а у кого есть боль и радость, у того и желание, у растений же нет ничего подобного, о чем свидетельствует тот факт, что питающая часть души по большей части выполняет свое назначение во сне, а не в состоянии бодрствования, ведь именно во сне животные лучше всего усваивают пищу и растут, как если бы они не нуждались для этого в ощущении.

2. Необходимо разобраться и с тем, почему животные спят и бодрствуют, и благодаря какому или каким ощущениям, если их много, делают это. Поскольку у одних животных есть все ощущения, а у других — не все, например, у некоторых нет зрения, при том что все животные обладают осязанием и вкусом (за исключением разве что незрелых особей, о которых говорилось в сочинении *О душе*¹³), то, учитывая, что спящее животное не способно ощущать в строгом смысле слова, ясно, что у всех ощущений в так называемом сне должно быть одно и то же состояние. Ведь если у одного ощущения будет это состояние, а у другого нет, то спящий будет что-то ощущать, что невозможно. Далее, в каждом ощущении есть нечто особенное и нечто общее, например особенность зрения — видеть, слуха — слышать, и точно так же обстоит дело с остальными ощущениями. Но наряду с особенным существует и некая общая способность, благодаря которой животное ощущает, что видит и слышит (ведь не благодаря зрению оно

тально зафиксировано у тараканов, скорпионов, пчел, мушек дрозофил, раков и нематод (Полуэктов 2019: 45).

¹³ О незрелых (ἀτελής), т.е. еще не достигших окончательного развития, животных Аристотель говорит в *De An.* III.2, 425b10; 432b23–25; 433b31–434a2.

замечает, что видит, и не благодаря вкусу, зрению или обоим судит и может судить о том, что сладкое отличается от белого, но 20 благодаря некоей части, общей для всех органов чувств¹⁴; потому что есть только одно ощущение и только один главный орган чувств, который по бытию оказывается разными ощущениями

---

¹⁴ Аристотель считается первым древнегреческим философом, обратившим внимание на способность человека и других животных наблюдать за собственными действиями и ощущениями. В трактате *О душе* (*De An.* III.2, 425b12–25), исследуя вопрос об общем количестве ощущений у животных, он спрашивает, имеется ли у тех какое-то особое чувство, позволяющее замечать и ощущать само ощущение? Или животные ощущают, что видят и слышат, при помощи самих же зрения и слуха? Отвергнув первый вариант как невозможный, философ приходит к выводу, что каждое из чувств должно само воспринимать собственную деятельность: например, зрение должно видеть не только цвет, но и само себя, слух должен слышать не только звук, но и себя, и т.д. Однако это решение не удовлетворяет его в полной мере. Во-первых, оно противоречит высказанному ранее утверждению, что органы чувств не способны ощущать сами себя, но непременно нуждаются для этого в некоем внешнем предмете, поскольку, как существующие в возможности, не могут самостоятельно сделаться сущими в действительности (*De An.* II.5, 417a2–8). Во-вторых, чтобы зрение могло видеть само себя, оно должно быть окрашено, так как «видеть» означает воспринимать тот или иной цвет. Однако окрашенный глаз не может видеть цвет, в который окрашен, и не только потому, что перестает при этом быть прозрачным, теряя необходимое для восприятия цвета нейтральное (бесцветное) состояние, но и потому, что ощущающее и ощущаемое в этом случае оказываются во всем подобными друг другу, а подобное не может оказать воздействие на подобное (*GC* II.7). Поэтому в более поздних трактатах Аристотель пересматривает полученное ранее решение и, вопреки сказанному в *О душе*, отрицает способность ощущений ощущать самих себя. Ср. *Metaph.* IV.5, 1010b35–37: «ощущение, очевидно, не воспринимает само себя, но имеется нечто помимо ощущения, что должно быть раньше него» (Hicks 1907: 434–435). Это не означает, впрочем, что философ возвращается к представлению о некоем особом чувстве, необходимом для восприятия деятельности каждого отдельного ощущения. Нет, он по-прежнему считает, что зрение и слух сами способны замечать свою собственную деятельность, но только теперь он утверждает, что когда они это делают, то действуют не как зрение или слух, но как единое чувство с единым органом ощущения (Ross 1955: 35; Wiesner 1978: 246). О том, что органы частных чувств благодаря имеющейся у них общей части образуют вместе единый орган ощущения, называемый «первым» или «главным ощущающим» (κύριον αἰσθητήριον) см. также *О юности и старости* (*Juv.* I, 467b28–30).

для разного рода ощущаемого, например для звука и цвета¹⁵). Так вот, поскольку упомянутая способность присуща [животному] по большей части вместе с органом осязания (в той мере, в какой тот может быть отделен от остальных органов чувств, а остальные от него — нет, о чем было сказано в *О душе*), то ясно, что бодрствование и сон суть состояния именно этого органа¹⁶. Вот почему они есть у всех животных, ибо только осязание есть у всех. В самом деле, если бы сон наступал оттого, что в определенное состояние приходили все ощущения, то невозможно было бы объяснить, почему способности, которые не должны и некоторым образом не могут действовать сообща, вынуждены сообща бездействовать и оставаться неподвижными. Наоборот, для них было бы есте-

¹⁵ Окончательно ответить на вопрос, каким образом животные замечают, что видят или слышат, Аристотелю позволяет учение о т.н. «общем чувстве» (κοινή αἴσθησις, *sensus communis*), или «общей способности» (κοινή δύναμις), которая присуща всем пяти ощущениям сообща и благодаря которой каждое из них может не только видеть, слышать, осязать или обонять то или иное чувственно воспринимаемое качество, но и осознавать свою деятельность, отличать предметы одного ощущения от предметов другого и воспринимать такие свойства вещей, как величина, фигура, число, покой и движение (*De An.* III.1, 425a13–27; 2, 426b12–21). По убеждению Аристотеля, наличие у частных чувств подобной общей способности свидетельствует о том, что все они представляют собой разновидности или проявления некоего единого чувства, которое, в зависимости от предмета, на который направлено, и органа, через который действует, оказывается то зрением, то слухом, то осязанием, то обонянием и т.д. (Gallor 1996: 125; Kahn 1966: 59; Feola 2018: 51–52). О том, каким образом единое чувство и соответствующий ему «главный орган ощущения», сохраняя свое нумерическое единство, может становиться разным «по бытию», Аристотель подробно объясняет в трактатах *О душе* и *Об ощущении и ощущаемом* (*De An.* III.2, 427a2–14; *Sens.* 7, 449a10–22).

¹⁶ В переводе этого предложения я следую интерпретации М. Вудса и Д. Гэллопа (Woods 1992: 186; Gallor 1998: 126), согласно которым Аристотель не отождествляет здесь общее чувство с осязанием, но всего лишь утверждает, что животные, лишённые каких-либо других ощущений помимо осязания, обладают «общим чувством» постольку, поскольку у них есть осязание. Отсюда следует, что сон и бодрствование являются состояниями не органа осязания, но органа «общего», или «единого» чувства, даже если нумерически оба эти органа совпадают. Рассуждение в *О душе*, на которое ссылается здесь Аристотель, соответствует *De An.* II.2, 413b4–10 и 4, 415a2–6.

455b ственнее не находиться вместе в состоянии покоя. Предложенное же нами объяснение выглядит более разумным: когда ощущающий орган, который главенствует над всеми остальными и от которого зависят все, оказывается в определенном состоянии, то одновременно с ним в это же состояние по необходимости приходят и остальные органы чувств; а когда изнемогает какой-то из остальных, то нет необходимости, чтобы изнемогал и этот.

5 Многие указывает на то, что сон состоит не просто в бездействии и неиспользовании ощущений и не в утрате способности
ощущать — такое случается и при обмороках (поскольку обморок
есть утрата способности ощущать, как и некоторые другие виды
беспамятства), или когда лишаются чувств при сдавливании со-
судов шеи. Нет, сон наступает, когда неспособность использовать
10 ощущение появляется не в каком угодно органе чувств и не по ка-
кой угодно причине, но, как мы только что сказали, в том первом
ощущающем, при помощи которого животное ощущает всё. Ко-
гда изнемогает этот орган, то и все остальные теряют способность
ощущать, а когда — какой-то из остальных, то не обязательно и
этот¹⁷.

15 Теперь скажем о том, по какой причине наступает сон и како-
го рода претерпеванием он является. Всего существует несколь-
ко видов причинности: то, ради чего; то, откуда начало движе-
ния; материя и определение — всё это мы называем причиной¹⁸.

---

¹⁷ Аристотель определяет здесь сон как состояние души, рассматривая его исключительно с точки зрения сущности и формы (λόγος). Согласно этому определению, сон есть временное прекращение деятельности ощущения, вызванное изнеможением и неспособностью первого органа чувств осуществлять свое естественное предназначение (ἀδυναμία τῆς αἰσθήσεως ἐν τῷ πρώτῳ αἰσθητικῷ). Такое «формальное» определение сна во многом пересекается с его современными определениями как периодически возникающего физиологического состояния, противоположного состоянию бодрствования и характеризующегося пониженной реакцией на внешний мир, включая ограничение сенсорной и мускульной активности (Mograss et al. 2020).

¹⁸ Поскольку сон есть состояние не только души, но и тела, его полное определение помимо указания на сущность и форму (λόγος) должно также включать указание на материя и причины ее изменения. Иными словами, недостаточно

Природа, говорим мы, всегда действует ради чего-то, то есть ради некоего блага, а всему, что обладает от природы способностью двигаться, но при этом не может двигаться постоянно и всегда испытывать от этого удовольствие, необходим и полезен отдых. Поэтому если сон метафорически называют отдыхом в соответствии с истиной, то первое, что мы можем утверждать, это что сон присущ животным ради самосохранения¹⁹. Бодрствование же составляет цель живого существа, потому что всё наделенное ощущением и разумением живет ради них, ибо они лучшее, а лучшее и есть цель. Так что сон присущ каждому животному по необходимости. Я говорю о необходимости, исходя из предположения, что если нечто является животным со своей собственной природой, то у него по необходимости будут определенные свойства, а если они, то и другие²⁰.

сказать, что сон есть «временное прекращение деятельности ощущения», необходимо указать также, что он является «изменением такого-то тела, вызванным тем-то и тем-то ради того-то и того-то» (*De An.* 1.1, 403a25–27). Вот почему, определив сон с точки зрения его сущности и формы, Аристотель переходит теперь к выяснению его целевой, материальной и действующей причин. Целевая причина сна обсуждается в *Somn.* *Vig.* 2, 455b16–28; материальная — в 455b28–456a29; действующая — в 3, 456a30–458a 28.

¹⁹ Многочисленные опыты по депривации сна полностью подтверждают этот вывод Аристотеля. В частности, в ходе экспериментов с крысами было показано, что, если не давать животным спать в течение длительного времени, то это неизбежно приведет к многочисленным нарушениям в их внешнем виде, поведении и работе внутренних органов. У подопытных заметно ухудшается обмен веществ, замедляется пищеварение, уменьшается мышечная масса, резко снижается мозговая активность и т.д. В итоге, спустя примерно три недели, животные погибают (Полужтков 2019: 63–64).

²⁰ ἔξ ὑποθέσεως ἢ ἀνάγκῃ — Аристотель говорит здесь об особом виде необходимости, которая зовется «условной» или «гипотетической». С этим видом необходимости мы сталкиваемся в случае, когда существование одной вещи по необходимости предполагает существование другой. Например, если есть дом, то у него обязательно должен быть фундамент, если существует фундамент, то должна существовать и глина, из которой он изготовлен, если существует глина, то в нее по необходимости входят земля и вода, и т.д. (*GC* II.11, 337b20–24; *Ph.* II.9, 200a11–12). И так же как последующая вещь всегда связана гипотетической необходимостью с предыдущей, так достижение определенной цели или блага

30 После этого следует сказать, при каком изменении и действии, возникающем в телах животных, тем случается спать и бодрствовать. Будем считать, что у всех животных причины этого состояния такие же или аналогичные, как у животных с кровью, а у животных с кровью — такие же, как у человека. Исходя из этого, рассмотрим остальных животных на примере человека. Ранее в другом сочинении²¹ мы установили, что начало ощущения у животных происходит из той же самой части, откуда и начало движения, и что из трех установленных тогда местоположений начало движения соответствует середине между головой и нижней частью туловища. У животных с кровью это часть, прилегающая к сердцу, поскольку все такого рода животные имеют сердце, так что и движение, и главное ощущение берут начало оттуда²². Если говорить о движении, то ясно, что начало пневмы и вообще охлаждения находится в области сердца и что дыхание, как и охлаждение водой, создано природой ради сохранения тепла в этой части тела, о чем будет сказано позже в отдельном трактате²³. У бескровных животных и насекомых, не впускающих в

с необходимостью предполагает выполнение некоторых условий. В частности, для того, чтобы ощущать и мыслить, животные должны периодически отдыхать, т.е. спать. При переводе этого фрагмента я следую за чтением Гэллопа, который считает предложение ἀναγκαῖον ἐκάστῳ τῶν ζώων ὑλάρχειν τὸν ὕπνον («сон присущ каждому животному по необходимости») следствием предыдущего и потому начинает его не с ἐτι δὲ («далее»), как Росс, но с ὥστε («так что»), как в ряде манускриптов (Gallor 1996: 71 и 128).

²¹ *О частях животных* (PA 665a10–15).

²² О сердце как главном ощущающем начале, в котором сходятся воедино воздействия частных ощущений, Аристотель пишет в *О юности и старости, жизни и смерти* (Жив. 3, 469a10–20; 4, 469a24–28). Как об источнике движения и изменения о сердце говорится в трактате *О движении животных*: «когда под влиянием тепла, холода или другого подобного состояния с сердцем происходит некое изменение, то даже если это изменение затрагивает неощутимо малую часть сердца, оно вызывает значительную перемену во всем теле — румянец, бледность, дрожь, трепет или противоположные им состояния» (MA 701b28–32).

²³ Имеются в виду трактаты *О юности и старости, жизни и смерти* и *О дыхании*, предположительно составившие изначально единое произведение (Ross 1955: 2–3; Düring 1966: 562; Van der Eijk 1994: 72; Месяц 2020: 96; Солопова 2020:

себя внешнюю пневму, в аналогичной сердцу части тела расширяется и сжимается врожденная пневма²⁴ — это видно на примере цельнокрылых насекомых, таких как осы и пчелы, а также мух и других подобных существ. Поэтому, если невозможно привести в движение или что-то сделать, не имея силы, а силу придает задержка пневмы²⁵, будь то внешней у втягивающих ее в себя животных, или врожденной у тех, кто не дышит (вот почему, когда крылатые насекомые из класса цельнокрылых движутся, нам

32). В них Аристотель доказывает, что обеспечиваемое дыханием охлаждение необходимо животным ради сохранения внутреннего тепла, которое в противном случае усилилось бы настолько, что быстро израсходовало бы поступающее с пищей горючее и сошло бы на нет, приведя живое существо к гибели (*Juv.* 469a 24-470a 8; *Resp.* 8, 474b14-24). Чтобы этого не произошло, сухопутные и морские млекопитающие, а также другие животные, обладающие легкими, должны постоянно вдыхать и выдыхать окружающий воздух (пневму) и, пропуская его через себя, отводить таким образом избыточное тепло от сердца (*Juv.* 5, 470a5-7; *Resp.* 10, 475b16-19). Что же касается рыб, то для них подобным средством охлаждения служит вода, периодически втягиваемая и выбрасываемая назад через жабры (*Juv.* 6, 470b2-5; *Resp.* 21, 480b9-11).

²⁴ Термин «пневма» имеет в аристотелевском корпусе два значения. Аристотель различает: (1) внешнюю пневму (πνεῦμα ἔξωθεν), под которой понимает вдыхаемый воздух, попадающий в легкие через дыхательное горло и служащий для охлаждения сердца животного; и (2) внутреннюю или «врожденную» пневму (σύνφυτον πνεῦμα), которая достается всякому животному от рождения и представляет собой тот первоначальный теплый субстрат, из которого постепенно формируется тело и, в первую очередь, сердце живого существа. О врожденной пневме см. *PA* п.16, 659b17-19; *GA* п.6, 744a3-4. О пневме как вдыхаемом извне воздухе: *Meteor.* п.8, 367b1; *HA* 1.16, 495b8, etc.

²⁵ О том, почему задержанная пневма наделяет животное движущей силой, Аристотель пишет в трактате *О движении животных*. По его словам, пневма играет роль двигателя-посредника, с помощью которого заключенная в сердце душа приводит в движение все остальные части тела, так как если душа движет, оставаясь неподвижной, то пневма движет, будучи сама приведена в движение (*MA* 703a4-24): «Пневма прекрасно подходит для того, чтобы приводить в движение и придавать силу, потому что дело движения — толкать и тянуть, а значит, орган движения должен быть способен расширяться и сжиматься. Но именно такова природа пневмы: она легко может сокращаться и растягиваться, тянуть и толкать, обладает тяжестью в сравнении с огневидным началом и легкостью — по сравнению с противоположным... За счет движения этой части тела животное как раз и приводится в движение душой».

кажется, будто они жужжат за счет трения пневмы, соприкасаю-
щейся с перетяжкой), и если всякое животное движется при нали-
20 чиии некоего внутреннего или внешнего ощущения в первом
ощущающем, то, учитывая, что сон и бодрствование суть состоя-
ния первого ощущающего, ясно, в каком месте тела и в какой его
части они в первую очередь возникают²⁶. Впрочем, иные люди
движутся даже во сне и совершают много такого, что совершают
25 бодрствующие, но и их действия не обходятся без представления
(φαντάσματος) и своего рода ощущения, поскольку сновидение
есть некоторым образом результат ощущения, о чем будет ска-
зано ниже²⁷. Почему же тогда при пробуждении люди о снови-

---

²⁶ Рассуждение Аристотеля строится следующим образом. (1) Чтобы некий орган мог привести животное в движение, он должен иметь для этого доста-точно силы (ισχύς). Но силу двигателю придает задержка пневмы, или воздуха, который сухопутные млекопитающие втягивают извне в процессе дыхания, а бескровныи насекомые изначально содержат внутри собственного тела. Отсюда следует, что орган, приводящий животное в движение, должен быть заполнен внешней или внутренней пневмой. И поскольку пневма преимущественно сконцентрирована в центральной части тела, то начало всех совершаемых животным движений будет располагаться именно здесь: у сухопутных млекопитающих — в сердце и прилегающих к нему легких, а у насекомых — в области перетяжки между грудью и брюшком. (2) Чтобы пневма могла привести животное в движение, она должна сначала начать двигаться сама. Для этого заполненная пневмой часть тела должна испытать некое изменение, в результате которого пневма начнет нагреваться или охлаждаться, расширяться или сжиматься. (3) Поскольку движение животного всегда обусловлено неким внешним или внутренним ощущением, то, учитывая, что всякое ощущение есть изменение, ясно, что именно оно и будет тем первоначальным импульсом, который придает движение пневме. (4) Показав, таким образом, что ощущение должно возникать в области сосредоточения внешней или внутренней пневмы, Аристотель приходит к выводу, что ощущающее начало должно располагаться там же, где и начало движения. Поэтому если сон и бодрствование являются состояниями ощущающего начала, то ясно, что у млекопитающих они должны возникать в области сердца и легких, а у насекомых — в разделяющей их надвое перетяжке.

²⁷ В трактате *О сновидениях* (*Insomn.* 459a1–23). В этом предложении Аристотель говорит о сомнамбулизме — состоянии, при котором спящие могут «вставать, ходить, озиаться вокруг» (*GA* 779a16–19) или совершать другие действия, например «отвечать на задаваемые вопросы» (*Insomn.* 462a26). Утверждение, что такие действия «не обходятся без ощущения» (οὐ μέντοι ἄνευ... αἰσθήσεώς τινοῦς),

дениях помнят, а о совершенных наяву действиях нет, сказано в *Проблемах*²⁸.

3. После всего сказанного необходимо обсудить, при каких об- 30
стоятельствах возникает и откуда берет начало это состояние — сон и бодрствование. Всякому животному, если оно обладает ощу- щением, в первую очередь необходимо принимать пищу и расти. Конечной пищей у животных с кровью является кровь, а у бес- 35
кровных — нечто ей соответствующее. Поэтому, если место крови 456b
в жилах, а начало жил в сердце (в чем можно убедиться из опы- тов по анатомированию²⁹), то ясно, что, когда приходящая извне пища попадает в принимающие ее места, в жилах возникает испа- рение, которое в результате качественного изменения превраща- ется в кровь и вместе с ней устремляется к ее началу³⁰. Подробнее 5

очевидно противоречит приведенному выше определению сна как «скованно- сти и неподвижности ощущения», а также словам Аристотеля о том, что «спя- щее животное вообще не способно ощущать, и все ощущения во сне должны находиться в одном и том же состоянии бездействия» (455a25–b2). Попытки ре- шить это противоречие предпринимались многими средневековыми коммен- таторами Аристотеля, включая Альберта Великого, Сигера Брабантского, Петра Овернского и др. (Thörnqvist 2016: 286–310).

²⁸ В дошедших до нас *Проблемах* такого раздела нет. Под «совершенными наяву действиями» (ἐγρηγορικὰς πράξεις) Аристотель подразумевает действия, совершенные спящими в сомнамбулическом состоянии.

²⁹ ἐκ τῶν ἀνατομῶν — не совсем ясно, ссылается ли здесь Аристотель на са- ми опыты по вскрытию животных (как в *Juv.* 474b9, 478a27; *PA* 677a9; *GA* 746a22, 764a35, 771b32, 779a8) или на описания этих опытов в не дошедшем до нас со- чинении *Об анатомировании* (Ἀνατομῆς), ссылки на которое можно обнаружить как у самого Стагирита (*HA* 497a32, 525a9), так и в списках аристотелевских сочи- нений, приводимых Диогеном Лаэртием (*DL* 5.25.15–16), Гесихием Милетским (*VH* 10.115–116) (Егорочкин 2017: 194) и Птолемеем ал-Гарибом (Hein 1985: 427). См. об этом Ross 1955: 264; Lloyd 1978: 216–217; Gallop 1996: 131.

³⁰ Процесс пищеварения, согласно Аристотелю, осуществляется в несколь- ко этапов. Сначала поглощаемая животным пища попадает в рот, подвергаясь там дроблению и измельчению. Затем она отправляется в желудок и кишечник, где под действием естественного тепла частично переваривается в кровь. После этого вместе с кровью она устремляется по жилам к сердцу, где еще более ин- тенсивное тепло переваривает ее в кровь окончательно. На заключительном эта- пе вновь образовавшаяся кровь, которую Аристотель называет «конечной» или

об этом говорилось в сочинении *О питании*³¹, так что теперь нам следует вернуться к сказанному там, чтобы рассмотреть начала этого изменения и установить, какому претерпеванию ощущающей части соответствует бодрствование, а какому — сон. Как уже говорилось, сном является не всякое изнеможение ощущающей 10 части: к неспособности ощущать могут приводить и помрачение, и определенные виды удушья, и обморок. Правда, у некоторых людей, находящихся в глубоком обмороке, случаются видения, что составляет определенную трудность: ведь если допустить, что находящийся в обмороке человек спит, то его видение может ока- 15 заться сновидением, тем более что люди, долго остававшиеся бездыханными и считавшиеся мертвыми, о многом рассказывают³².

«последней» пищей животного (ἔσχατη τροφή — *Somn. Vig.* 3, 456a34; *GA* 726b2, 740a 21; *PA* II.4, 651a13–14; IV.4, 678a7; τελευταία τροφή — *Juv.* 3, 469a1–2; *PA* II.3, 650a34), притекает от сердца к различным частям тела и, испытав в них очередное превращение, становится тканью и строительным материалом того или иного органа (*PA* II.3, 650a2–34). Когда измельченная пища, попав в желудочно-кишечный тракт, начинает перевариваться в кровь, то при этом выделяется большое количество влажных и тяжелых испарений. Поэтому, когда в строчке 456b3 Аристотель говорит о «принимающих [пищу] местах» (δέκτικοὺς τόπους), он имеет в виду не рот или пасть животного, а его желудок и кишечник, куда попадает перемолотая зубами пища и откуда в виде испарения она затем устремляется к сердцу. См. похожее толкование этой фразы у Михаила Эфесского (*In PN* 52.12–14): «следует уточнить, что приходящая извне пища попадает в желудок и кишечник — а именно их Аристотель называет здесь принимающими пищу местами, и становится испарением в пронизывающих печень жилах, etc.».

³¹ Περὶ τροφῆς — сочинения с таким названием в аристотелевском корпусе не сохранилось.

³² ἔχει τινὰ ἄλορίαν — трудность заключается в том, что если в глубоком обмороке у людей бывают видения (φαντασίαι), природа которых ничем не отличается от сновидений, то и сам обморок может оказаться сном, а значит, утверждение, что не всякая потеря способности ощущать есть сон, неверно. Так поясняет слова Аристотеля Михаил Эфесский (*In PN* 53.9–14): «у кого-нибудь может вызвать затруднение следующий вопрос: если некие видения возникают не только во сне, но и при обмороке, то отсюда следует, что обморок есть сон, а если так, то сном будет любая неспособность ощущать». Большинство современных комментаторов вслед за Россом (Ross 1955: 264) приводят в качестве примера X книгу Платонова *Государства*, в которой воин Эр, принятый за мертвого, но потом воскресший, подробно рассказывает о своем видении (Pl. R. x, 614b2–621b7). Тем

Такое же объяснение, надо полагать, должно быть и у всех остальных случаев³³.

Однако, как мы уже сказали, не всякое изнеможение ощущающего начала есть сон. Состояние сна возникает из-за образующегося от пищи испарения, когда испарившаяся часть выталкивается до определенного места и, повернув назад, меняет свое направление на противоположное подобно прибою в узком проливе³⁴. Тепло же в любом животном естественным образом подымается вверх, а когда достигнет верхних областей тела, то всем скопом поворачивает назад и опускается. Вот почему сон чаще всего наступает после приема пищи, когда вверх подымается сразу много 25 влажного и телесного вещества. Оставаясь наверху, оно вызывает чувство тяжести и дрему, а когда падает вниз и выталкивает на обратном пути тепло, то возникает сон, и животное засыпает. Подтверждением сказанному может служить тот факт, что снотворные вещества, будь то твердые или жидкие — мак, мандраго- 30

самым отвергается другая возможная интерпретацию этого фрагмента, предложенная Михаилом Эфесским и подхваченная Хеттом (Hett 1936: 335), согласно которой находящиеся в глубоком обмороке люди не только созерцают некие видения, но и «много говорят, сами о том не ведая» (*In PN* 53.3–5). Такая интерпретация действительно позволяет легко решить сформулированную в тексте апорию, но у нее есть и существенный недостаток: по словам Аристотеля, так поступают люди, «находящиеся в глубоком обмороке и считающиеся мертвыми». Однако едва ли можно принять за мертвецов людей, которые что-то говорят. Поэтому интерпретация Росса все же выглядит более убедительной.

³³ Аристотель имеет в виду, что ни удушье, ни помрачение, ни другие виды бессознательных состояний не могут рассматриваться как сон, поскольку, в отличие от сна, вызываются некими органическими нарушениями, из-за которых животное не просто лишается способности «использовать» ощущение (*ἄδυναμία τῆς χρήσεως*), но утрачивает на время и саму способность ощущать (*ἄδυναμία τῆς αἰσθήσεως*). Так, животные падают в обморок вследствие сдавливания сосудов шеи, когда связь между органами чувств, расположенными в голове, и центральным органом ощущения в сердце оказывается нарушена. См. выше, *Somn. Vig.* 2, 455b5–7.

³⁴ *Ευρίλος* — букв. «Еврип», узкий пролив между островом Евбея и побережьем Аттики. Пролив был знаменит своим постоянным волнением, поскольку из-за морских приливов вода в нем семь раз на дню меняла направление на противоположное. Здесь имя пролива употребляется в нарицательном смысле.

ра, вино и плевел-головолом, — вызывают в голове чувство тяжести. Сонные и клюющие носом люди, не способные поднять голову и веки, тоже, по-видимому, испытывают это состояние. Особенно частно такого рода сон³⁵ охватывает нас после обеда, когда от съеденной пищи к голове подымается много испарений. Наступает он и от усталости, поскольку та вызывает разжижение
35 вещества, а разжиженное вещество действует как непереваренная
457a пища, если только оно не холодное. К такому же результату приводят и некоторые болезни, случающиеся от избытка влаги и жара, как у лихорадящих или находящихся в забытии, а еще младенческий возраст, потому что дети, у которых вся пища подымается к голове, много спят. Действительно, у младенцев верхняя часть тела превосходит по размерам нижнюю, поскольку рост
5 происходит именно в ней. По той же причине возникают и приступы эпилепсии — недаром сон похож на эпилепсию и в некотором смысле сам является эпилепсией³⁶. Поэтому, в частности, эпилептический припадок у некоторых людей начинается во вре-

---

³⁵ τοιοῦτος ὁ ὕπνος — Аристотель говорит не об обычном глубоком сне, а о состоянии сонливости, которое охватывает нас после обильной еды, тяжелой работы или во время болезни. Это состояние обычно предшествует сну и длится до тех пор, пока накопившиеся в верхней части тела тяжелые и влажные испарения не опустятся вниз и не вытеснят возводящее их наверх тепло обратно в сердце.

³⁶ Как поясняет Д. Гэллоп (Gallor 1996: 132), слово «эпилепсия» (ἐπίληψις) в буквальном смысле означает «припадок», «приступ», т.е. некое непродолжительное и при этом не обязательно болезненное состояние, когда нормальная деятельность животного на время прерывается. Взятая в этом значении, эпилепсия действительно оказывается подобной и даже тождественной сну, поскольку тот тоже мыслится Аристотелем как периодически возникающая приступообразная остановка нормальной деятельности ощущения. Как обобщенный пример приступообразного состояния эпилепсия фигурирует в *Никомаховой этике* (EN 1150b32–35), где с ее помощью Аристотель иллюстрирует различие между слабоволием и порочностью. Если слабоволие напоминает эпилепсию, поскольку проявляется периодически в виде коротких «приступов», когда под влиянием страсти или по какой-то другой причине человек перестает придерживаться разумных принципов поведения, то порочность, подобно чахотке или другой неизлечимой болезни, является постоянным и устойчивым состоянием.

мя сна, так что когда они спят, то бывают им захвачены, а когда 10
бодрствуют, то нет. Действительно, если вверх подымается боль-
шое количество пневмы, то на обратном пути вниз она перепол-
няет жилы и сдавливает проход, через который осуществляется
дыхание. По той же причине младенцам и их кормилицам не по-
лезно вино (ибо нет никакой разницы, пьют ли вино сами мла-
денцы или их кормилицы), поэтому тем и другим следует пить 15
его разбавленным и понемногу. Ведь вино, в особенности крас-
ное, содержит много пневмы, а у младенцев верхняя часть тела и
так переполнена пищей³⁷, из-за чего до пяти месяцев они даже не
могут повернуть шею — как и при сильном опьянении у них к го-
лове подымается много влаги. Возможно, именно поэтому эмбри- 20
оны в материнских утробах первое время находятся в состоянии
покоя.

В целом же склонность ко сну обнаруживают люди с едва за-
метными жилами, а также карлики и большеголовые. У первых
жилы настолько тонки, что нисходящая влага с трудом протекает
через них, у карликов же и большеголовых образуется много 25
испарений с сильным порывом вверх. Люди с толстыми жилами
не склонны к сонливости благодаря хорошей проходимости сосу-
дов, разве только ей не будет противодействовать какое-то другое
свойство. Не сонливы и меланхолики, поскольку их внутренно-
сти уже холодны, из-за чего большого количества испарений не
образуется. По той же причине меланхолики много едят, остава- 30
ясь при этом худощавыми, как если бы их тела не были распо-
жены извлекать пользу из поглощаемой пищи. Будучи по приро-
де холодной, черная желчь делает холодным и место, отвечающее
за пищеварение, равно как и другие части тела, где это выделение
присутствует в возможности³⁸. Итак, из сказанного ясно, что сон 457b

³⁷ Как уточняет Михаил Эфесский, Аристотель имеет в виду испарения, подымающиеся от переваривания пищи (*In PN* 55.13–14).

³⁸ Черная желчь представляет собой один из видов т.н. полезных выделений или излишков (*λερίττωμα*), образующихся в различных частях и органах тела в результате переваривания притекающей туда крови. Когда на заключительном этапе пищеварения кровь возвращается от сердца к печени, почкам,

есть некое схождение и естественное вытеснение тепла внутрь тела, вызванное упомянутой причиной³⁹. Вот почему засыпающий испытывает сильное изменение. В той части тела, откуда тепло ушло, он становится холодным, и от охлаждения его веки слипаются. При этом если его верхние и внешние части холодеют, то внутренние и нижние, а именно ноги и внутренности, остаются теплыми.

Можно усмотреть затруднение в том, что самый крепкий сон наступает после приема пищи и что его вызывают вино и другие содержащие тепло вещества. Ведь если сон возникает в результате охлаждения, то непонятно, как его причины могут быть теплыми? Не объясняется ли это тем, что, так же как желудок остается горячим, пока пуст, а когда наполняется пищей, то из-за навывшегося движения остывает, так и проходы и области в голове становятся холодными, когда через них подымается испарение? Или как при обливании горячей водой внезапно возникает дрожь, так и здесь при восхождении тепла вытесненный наверх холод начинает холодить, заставляя естественное тепло слабеть и отступать? Или, может быть, когда в нас попадает много пищи, то возводящее ее тепло остывает подобно огню, на который нава-

---

селезенке и т.д. и переваривается там в очередной раз, то она превращается в ткани соответствующих органов. И поскольку ни одно вещество не может превратиться в другое целиком и полностью, то при переваривании крови образуется некий непереваренный полезный остаток: сперма, желчь, молоко, жир, менструальная кровь и т.п. (РА II.3, 650a2–34; GA 724b–725b).

³⁹ Полученное определение сна содержит указание уже не на его сущность и форму, но на материальную и действующую причины. Материальной причиной сна Аристотель объявляет «схождение и вытеснение» (σύνωδος καὶ ἀντιπεριστάσις) врожденного тепла обратно к сердцу, а действующей — скопившиеся наверху тяжелые и влажные испарения, которые в своем движении вниз по кровеносным сосудам выталкивают тепло из верхней части тела и вынуждают его вернуться назад, к его естественному источнику. В результате такого «запирания» тепла внутри сердца последнее лишается связи с органами частных чувств и перестает выполнять функции главного органа ощущения, в результате чего животное засыпает. О сердце как наиболее вероятной материальной причине сна Аристотель пишет в *Metaph.* VIII.4, 1044b16–20. Подробнее об этом см. Code 2015: 37–39.

ливают много бревен, до тех пор, пока пища не переварится? Ведь сон, как мы сказали, наступает оттого, что много телесного вещества подымается за счет тепла через жилы вверх к голове, а когда больше не может этого делать и становится чрезмерным по количеству, то выталкивает [тепло] назад⁴⁰ и стекает вниз (отчего люди, лишившись подымающего их вверх тепла, падают с ног, ибо человек — единственное прямоходящее животное), упав же, оно вызывает сначала беспмятство, а потом видения.

Но хотя все перечисленные решения и указывают на возможные причины возникающего охлаждения, все же главной остается область вокруг головного мозга, о которой мы писали в других сочинениях⁴¹. Мозг, а у лишенных его животных — соответствующий ему орган, является самой холодной частью тела. Поэтому так же, как влага, испаряясь под действием солнечного тепла, подымается высоко в небо и остывает там благодаря тамошнему холоду, после чего, вновь сгустившись в воду, падает вниз, так и при восхождении тепла к головному мозгу выделительная часть испарения сгущается во флегму (почему насморки, очевидно, возникают из головы), а питательная и здоровая, сгустившись, опускается вниз и охлаждает тепло. Способностью охлаждаться и сопротивляться испарению головной мозг обязан малости и узости окружающих его сосудов⁴². В этом и состоит

⁴⁰ ἀνταλωθεῖ — принимаю чтение Хетта (Hett 1936: 340), который, следуя большинству рукописей, приводит этот глагол в активном, а не медио-пассивном залоге. Выше тот же глагол употребляется Аристотелем сначала применительно к испарению, которое «выталкивается» (ὑθεῖσθαι — 456b20) восходящим от сердца теплом в верхнюю часть тела, а потом — и к самому теплу, «выталкиваемому» (ἄλωσθαι — 456b27) накопившимся в голове испарением обратно к сердцу.

⁴¹ Имеется в виду трактат *О частях животных*, одна из глав которого целиком посвящена головному мозгу: РА п.7, 652a24–653b8.

⁴² О мозге как самой холодной части тела Аристотель пишет также в *О частях животных* (РА п.7, 652a27–28, 652b23–25, 653b10–12). Там он тоже сравнивает подымающееся к голове и сгущающееся в ней испарение с образованием дождя в небе: 652b33–653a8; упоминает окружающие головной мозг многочисленные мелкие сосуды: 652b31–32; говорит о заполняющей их особенно тонкой и чистой крови: 652b33. На основании этих параллелей некоторые ученые высказы-

причина охлаждения, несмотря на избыточную теплоту испарения⁴³.

- 10 Пробуждение наступает, после того как пища окончательно переварится, и тепло, которое в большом количестве было согнано из окружающих частей тела в малую область [сердца], возобладает над холодом, а более телесная кровь окажется отделена от более чистой. Но самая тонкая и чистая кровь заключена в голове, а самая плотная и мутная — в нижних частях тела. И, как уже
- 15 говорилось здесь и в других сочинениях⁴⁴, всякая кровь берет начало в сердце, у которого средняя из трех камер является общей для обоих желудочков, поэтому, когда тот и другой желудочек принимают кровь из обеих жил — так называемой большой вены и аорты, в средней камере происходит ее разделение. Впрочем,
- 20 исследование этих предметов больше подходит другому рассуждению⁴⁵, здесь же достаточно сказать, что сон наступает оттого, что кровь после приема пищи хуже поддается разделению, поэтому сон длится до тех пор, пока более чистая составляющая крови не уйдет вверх, а более мутная вниз. Как только это произойдет,
- 25 животные, избавленные от вызванной пищей тяжести, просыпаются.

Итак, мы установили, что причиной сна является совокуп-

вают предположение, что трактат *О сне и бодрствовании* мог быть частично или полностью написан Аристотелем в период создания биологических сочинений (Düring 1943: 131; Drossaart 1947: xv–xx; Wiesner 1978: 272).

⁴³ Окончательное решение сформулированной выше апории (457b8–10), которое Аристотель предпочитает всем прочим. Почему самый крепкий сон наступает от самых горячих испарений, вызванных вином и другими содержащими теплоту веществами? По мнению Аристотеля, даже если испарение является слишком горячим, оно все равно охлаждается за счет соприкосновения с головным мозгом, сосуды которого настолько тонки и малы, что практически не заполняются несущей тепло кровью.

⁴⁴ Ссылка на *Somn. Vig.* 3, 456b1 и *PA* п.1, 647b4–7; ш.4, 665b9–17.

⁴⁵ Устройство сердца подробно обсуждается Аристотелем в *Истории животных* (*HA* 1.17, 496a4–27; ш.3, 513a5–513b11) и в *О частях животных* (*PA* ш.4–5, 665b9–668b32). Аристотель насчитывает в сердце три камеры, а не четыре, как сейчас: среднюю, соответствующую правому предсердию, и два желудочка. «Большой веной» он называет полую вену, отходящую от правого предсердия.

ное вытеснение врожденного тепла к первому органу ощущения, происходящее под действием поднявшегося вверх телесного испарения⁴⁶. Сказали мы и что такое сон — скованность первого органа чувств, которая лишает его способности действовать и возникает не только по необходимости (ибо невозможно быть животным без всего, что участвует в его создании), но и ради самосохранения, поскольку отдых сохраняет жизнь⁴⁷.

---

⁴⁶ ὑπὸ τοῦ σωματόδου τοῦ ἀναφερομένου [ὑπὸ] τοῦ συμφύτου θερμοῦ — в отличие от Росса, который в этом предложении убирает первое ὑπὸ как ошибку переписчика и оставляет второе, я на том же основании убираю второе ὑπὸ и оставляю первое. Такое чтение, на мой взгляд, гораздо лучше согласуется с определением сна в 456b21–28 и 457b1–2, согласно которому к первому органу чувств вытесняется не поднявшееся вверх тяжелое и влажное испарение, но поднявшее его туда врожденное тепло, источником которого является сердце. От предложенного Россом исправления отказывается и Code 2015: 42–42.

⁴⁷ В заключительном параграфе, подводя итог проведенному исследованию, Аристотель констатирует, что им были установлены все четыре причины сна: материальная — вытеснение врожденного тепла к первому органу чувств (ἀντιπερίστασις τοῦ συμφύτου θερμοῦ), формальная — скованность первого органа чувств и его неспособность осуществлять деятельность ощущения (μὴ δύνασθαι ἐνεργεῖν), движущая — поднявшееся вверх телесное испарение (τοῦ σωματόδου τοῦ ἀναφερομένου) и целевая — самосохранение животного (σωτηρία).

Литература

- Егорочкин, М.В. (2017), “Античные биографии Аристотеля”, in М.С. Петрова (ред.), *Аристотель: идеи и интерпретации*, 172–212. М.: Аквилон.
- Месяц, С.В. (2020), “Трактат *О дыхании* и его место среди малых естественно-научных произведений (*Parva naturalia*) Аристотеля”, *История философии* 25.1: 95–100.
- Полуэктов, М. (2019), *Загадки сна. От бессонницы до летаргии*. М.: Альпина Нон-Фикшн.
- Солопова, М.А. (2020), “Трактат Аристотеля *О юности и старости, жизни и смерти* как часть сборника *Parva naturalia*”, *Историко-философский ежегодник* 35: 31–52.
- Beare, J.I. (1899), “Notes on Aristotle’s *Parva naturalia*”, *Hermathena* 10.25: 455–473.
- Bekker, I., ed. (1831), *Aristotelis Opera*. Vol. 1. Berolini: apud Georgium Reimerum.
- Bremmer, J.N. (1983), *The Early Greek Concept of the Soul*. Princeton University Press.
- Code, A. (2015), “The Matter of Sleep”, in: D. Ebrey (ed.), *Theory and Practice in Aristotle’s Natural Science*, 11–46. Cambridge University Press.
- Dodds, E.R. (1951), *The Greeks and the Irrational*. University of California Press.
- Dönt, E., tr. (2010), “Aristoteles. *Über Schlafen und Wachen*”, in Aristoteles, *Kleine naturwissenschaftliche Schriften*, 101–115. Stuttgart: Philipp Reclam.
- Drośaart Lulofs, H.J., ed. (1947), *Aristotelis De insomniis et De divinatione per somnum*. A New Edition of the Greek Text with the Latin Translation. Leiden: Brill.
- Düring, I. (1943), *Aristotle’s De partibus animalium. Critical and Literary Commentaries*. Göteborg University Press.
- Egorochkin, M.V. (2017), “Ancient Biographies of Aristotle”, in M.S. Petrova (ed.), *Aristotle: Ideas and Interpretations*, 172–212. Moscow: Aquilo. (In Russian.)
- Everson, S. (2007), “The *De Somno* and Aristotle’s Explanation of Sleep”, *Classical Quarterly* 57.2: 502–520.
- Feola, G. (2018), “The Unity of Sense-Power in the *De anima* and *Parva naturalia*”, in D. Bydén and F. Radovic (eds.), *The Parva naturalia in Greek, Arabic and Latin Aristotelianism. Supplementing the Science of the Soul*, 51–64. Springer.
- Gallop, D., ed. (1996), *Aristotle on Sleep and Dreams*. A text and translation with introduction, notes and glossary. Warminster: Aris and Phillips.

- Hein, Ch. (1985), *Definition und Einteilung der Philosophie: Von der spätantiken Einleitungs-literatur zur arabischen Enzyklopädie*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Hett, W.S., ed. (1936), *Aristotle. On the Soul. Parva naturalia. On Breath*. Harvard University Press.
- Hicks, R.D., ed. (1907), *Aristotle. De anima*. Cambridge University Press.
- Lloyd, G.E.R. (1978), "The Empirical Basis of the Physiology of *Parva naturalia*", in G.E.R. Lloyd and G.E.L. Owen (eds), *Aristotle on Mind and the Senses*, 215–240. Cambridge University Press.
- Mesyats, S.V. (2020), "The Treatise *On Breath* and Its Place among Aristotle's Minor Psychological Works (*Parva naturalia*)", *History of Philosophy* 25.1: 95–100. (In Russian.)
- Mograss, M.A.; Foulkes, D.; Dang-Vu, Th.Th.; Cartwright, R.D.; Ellenbogen, J.M. (2020), "Sleep", in *Encyclopedia Britannica*, 19 Nov. 2020. URL: <https://www.britannica.com/science/sleep>
- Mugnier R., ed. (1953), *Aristote. Petits traités d'histoire naturelle*. Paris: Les Belles Lettres.
- Poluektov, M. (2019), *Puzzles of Sleep. From Insomnia to Lethargy*. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russian.)
- Ross, W.D., ed. (1955), *Aristotle. Parva Naturalia*. A revised text with introduction and commentary. Oxford: Clarendon Press.
- Solopova, M.A. (2020), "Aristotle's Treatise *On Youth and Old Age, Life and Death* as a Part of the *Parva naturalia* Collection", *Yearbook of the History of Philosophy* 35: 31–52. (In Russian.)
- Thörnqvist, Ch.Th. (2016), "Sleepwalking through the Thirteenth Century. Some Medieval Latin Commentaries on *De somno* 2, 456a24–27", *Vivarium* 54: 286–310.
- Tricot, J., tr. (1951), *Aristote. Parva naturalia suivis du traité pseudo-aristotélicien De spiritu*. Paris: J. Vrin.
- Van der Eijk, Ph.J., tr. (1994), "*De insomniis, De divinatione per somnum*", in *Aristoteles. Werke in deutscher Übersetzung*. Bd. 14.3: *Parva naturalia*. Berlin: Akademie Verlag.
- Wendland, P., ed. (1903), *Michaelis Ephesii in Parva naturalia commentaria, Commentaria in Aristotelem Graeca* 22.1. Berolini: typis et impensis Georgii Reimeri.
- Wiesner, J. (1978), "The Unity of the Treatise *De Somno* and the Physiological Explanation of Sleep in Aristotle", in G.E.R. Lloyd and G.E.L. Owen (eds.), *Aristotle on Mind and the Senses*, 241–280. Cambridge University Press.
- Woods, M.J. (1992), "Aristotle on Sleep and Dreams", *Apeiron* 25.3: 179–188.